

**СКОЛЬКО БЫЛО СЛОВ В
КНИЖНОМ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ?
(О проблеме восстановления утраченного)**

Раля М. ЦЕЙТЛИН (Москва)

В языке 17 древнеболгарских рукописей (в дальнейшем: ДР) зафиксировано около 10 000 слов с различной частотностью и охватом рукописей. При этом 4 677 слов — гапаксы. Есть слова с высокой частотностью. Например, слово *когъ* употребляется 2 100 раз, *вожини* — более 800 (но *когыни* — 4 раза!), *реци* — более 1 000, глаголати — более 3 330, *кыти* — более 7 000, *сътворити* — более 1 000, *твърити* — более 700, *градъ* — более 400¹. В 15 ДР употребляется только 8 слов: *кыти*, *ккъ*, *и* (союз), *иже*, *не*, *онъ*, *реци*, *тъкъ* (частеречный их состав отражает общую языковую универсалию — частотность употребления различных частей речи в языке). В 12 ДР отмечено 47 слов. В 10 ДР — уже около 100 слов.

В Мар — 2 874 слов, в Син — 2 358, в Супр — 5 285 слов, из них 3 124 лексемы употребляются только в данной рукописи из 17 ДР. Примечательно, что в Зогр, Мар и Ас известно около 50 лексем в каждой, отмеченных только в данной (из 17) рукописей, хотя тексты их достаточно близки по содержанию.

Таким образом, только одни числовые данные по употребительности и распределению по ДР слов свидетельствуют об ограниченном количестве дошедших до нас в письменных источниках и слов и, что не менее важно, различных сочетаний слов, зафиксированных в 17 ДР, по которым определяется объем и характер значений каждого слова ДЯ. Необходимо учитывать и тематически ограниченный состав данных 17 ДР: одна псалтырь — Син; два Четвероевангелия — Зогр и Мар, два евангельских апракоса — Ас и Сав, отрывки Апостола — Ен, молитвы — Евх, жития и гомилии — Супр, остальные 9 рукописей — фрагменты различных памятников.

Благодаря эпохальным открытиям последних десятилетий XX в. (в их числе — Енинский апостол, Ватиканское евангелие, начало Синайского евхология, конец Синайской псалтыри, прочтение ряда палимпсестов,

древнеболгарские надписи X—XI вв.) наши знания о письменности и культуре (в широком понимании этого термина) значительно расширились. Как показывают уже предварительные исследования, вновь открытые рукописи и надписи содержат слова, а также слово сочетания (уже известных слов), отсутствующие в 17 ДР.

Ограничимся единичными примерами (наиболее близко отражающими н а р о д н о е словоупотребление). Так, в открытых в последние десятилетия древнеболгарских надписях X—XI вв. (есть и датированные, первые датированные источники ДЯ!) суммарно зафиксировано 251 слово, при этом почти каждое десятое из них — первая письменная фиксация X или XI в. Несколько примеров: *анагнестъ* (в ДР есть *анагностъство*), *когонн* (протоболгарское), *вкшица* 'ведунья, колдунья', *исръкати* (исръцати), *калоуегръ*, *кърча*, *мечовиша*, *нежитъ*, *огаоушити*, *самодръжкавкъти* (в ДР есть *самодръжкъ*), *соука*, *съръти* (в ДР есть *ръти*), *сункелъ*, *хартофлагаъ*, *чръкъкъ* и нек. др. Среди них несколько терминов-грецизмов. Особый интерес представляет слово *соука* — данный корень не засвидетельствован в ДР².

В описании проф. Й.Тарнанидиса открытых рукописей в монастыре Св. Екатерины на Синае приводится текст в конце Псалтыри (писца по имени Димитър), который представляет собой своего рода приложение к псалтыри (на л.л. 141а — 141в). Он содержит две краткие апокрифические молитвы и своего рода руководство для лечения различных заболеваний. Эти тексты недавно со своими коррективами издали И.Добрев и Т. Славова.³ Благодаря своей тематике эти произведения содержат весьма значительное количество слов повседневной речи своего времени, которая не была „востребована“ в 17 ДР, заключающих библейские и близкие к ним по содержанию сочинения. Несколько примеров из данной рукописи уже показывают, какое значительное количество др.-болг. слов нам остается неизвестным. Это слова *ко(!) ликъти* (есть др.-болг. *лиати* в ДР), *запечатъ* (ср. в ДР *паци*), *вкъшица* (ср. в ДР *вкъкъ*), *лисициръ* (ср. в ДР *лисъ*), *прогонитель* (ср. в ДР *гонитель*), *отокъ* 'отек, опухоль' (в ДР омоним только *отокъ* 'остров'), *полкънивъши* (в ДР есть *пуккънити* и другие с этим корнем), *медкъждъ*, *медкъдъ*, *мкъдкъдица* и ряд других (значения которых не всегда ясны).

Как показывают предварительные исследования, вновь открытые рукописи и надписи содержат немало слов (и словосочетаний), отсутствующих в ДР. Знаменательно, что в данных источниках обнаружены „новые“ слова, но не „новые морфемы“ (за редчайшими исключениями). Эти данные показывают, что морфемы ДР как „строительный материал“ лексической системы СЯ нам уже известны за единичными частными случаями. В этом аспекте чрезвычайно информативны данные из молитв и лечебника псалтыри Димитра. Здесь употреблены слова, корни которых в других известных нам текстах ДЯ не обнаружены: *канкълица* (примечательно, что это слово — производное от звукоподражательного глагола *канкълати*, который со своими производными является праславянским, но

фиксируется источниками с XVI в. — Сл РЯ (XI—XVII вв., VI, 98) Геб., П, 23; см. также ЭССЯ, IX, 160; БЕР, П, 301 и др.; Микл дает слова с этим корнем без примеров, 284—285; этих слов нев в СЯС (также праславянскими являются: *кошара* (см. БТР, II, 692; ЭССЯ, XI, 183—186); *леи* (БЕР, III, 459); ЭССЯ, XV, 259—262); *лъжица* (ЭССЯ, XVI, 257—260; БЕР, III, 545—561); *пастъ* (*пасть*, одноеровый текст; Фасмер, III, 215, вероятно все же этимологически от известного в ДР гл. *пасти*, пад.ж); *тъкнѣ* (Фасмер, IV, 41; ср. Срезн., III, 1093).

Приведенные лексемы относятся к существительным с предметными значениями, которые в силу своей специфики образуют корневые лексико-семантические группы из ограниченного числа слов (обычно двух-трех, но возможны и „группы“ из одного гапакса или редкоупотребляемого таковы др.-болг. *заяць*, *кашица*, *мѣта*, *фрагъ*, *прѣчъ* и многие другие. В ДР известно около 350 корневых морфем, представленных только одним словом (простым или производным). Среди них немало высоко употребительных: *дѣти* (более 500 раз в 8 ДР), *крупница* (8 раз в 4 ДР), *оукроухъ* (25 раз в 5 ДР); *мръжа* (43 раза в 5 ДР), *рана* (53 раза в 8 ДР) и другие. Всего в языке ДР имеется около 1 200 корневых морфем, которые объединяют около 8 000 слов (гречизмы не учитываются).

При анализе лексической системы ДЯ необходимо учитывать специфические особенности аффиксальных лексико-семантических групп. В 17 ДР употребляется более 100 суффиксов, иначе — более ста суффиксальных ЛСГ. Например, в языке ДР употребляется 165 лексем со значением лица с суф. *-никъ* (*помощникъ*), 72 девербатива на *-тель* (*оучитель*), 8 слов на *-ць* (*рыбарь*). По одному древнеболгарскому слову известны „группы“ с суффиксами *-ихъ* (*женихъ*), *-окъ* (*иннокъ*), *-тоухъ* (*пастоухъ*), *-тырь* (*пастырь*). Многочисленны адъективные ЛСГ: с суф. *-икъ* — 735 слов, с суф. *-ьскъ* — 73; с суф. *-ивъ* — 85, с суф. *-итъ* — 16. В ДР — 25 префиксальных ЛСГ. Среди них по количеству слов преобладают глагольные группы. Например, *къз-* объединяет 258 лексем; *из-* — 255, *на-* — 107, *прѣдъ-* — 29, *съ-* — более 300. Далеко не все префиксальные ЛСГ многочисленны по своему составу. Так, из 17 ДР гл. *надъмѣжати* употребляется три раза и только в Супр. Единичными словами представлены префиксальные ЛСГ на *на-*, *сж-*, *ж-* — праславянские архаизмы, самая ранняя фиксация которых зафиксирована именно в ДР.

В поздних списках (от XII в. и чаще позднее) сохранились сочинения Кирилла и Мефодия и их выдающихся учеников сподвижников и последователей — творения Климента Охридского, Константина Преславского, Иоанна Экзарха, Черноризца Храбра, Петра Черноризца и многих и многих других деятелей культуры начальной эпохи письменности. Исследуя их творчество по поздним спискам памятников на древнеболгарском языке, ученые различных специальностей и направлений значительно

восполнили наши знания об этом времени. В частности, расширились наши представления о языке IX—XI вв., конкретно о его лексике.

Следует учитывать, что при восстановлении слов, не зафиксированных в рукописных источниках IX—XI вв., не всегда учитывается хронологические и ареальные границы ДЯ, при этом многие лексемы считаются древнеболгарскими без достаточного обоснования. Не всегда учитываются живые процессы в историческом движении ДЯ, за данность принимается статичное состояние ДЯ как языка мертвого, тогда как внимательное исследование временных и ареальных особенностей, центров письменности той эпохи свидетельствует о поступательном движении, развитии ДЯ на всех его уровнях, в частности, и на уровне его лексической системы. Следует отметить, что в работах по старославянскому (древнеболгарскому) языку принято отмечать те члены парадигмы, которые не зафиксированы в ДР. Когда же в аналогичных трудах говорится о лексике ДЯ, то это правило далеко не всегда соблюдается. Без комментариев нередко называются старославянскими (древнеболгарскими) слова типа *благовоніе*, *говладо*, *довредѣтель*, *драгоцѣннѣ*, *дѣверь*, *дѣктивнѣ*, *истокъ*, *младостъ*, *несъ*, *орѣхъ*, *сжиракъ* и множество (неисчислимо!) других. Возможно ряд подобных слов и был известен древнеболгарскому книжнику, но возможность их бытия в ДЯ в каждом конкретном случае требует доказательств.

В то же время тщательный до мелочей анализ уже известного словаря ДР — реальная основа воссоздания утраченной лексики ДЯ. Таких пока неизвестных нам лексем первого письменного языка славян по меньшей мере сотни.

Восстановление слов ДЯ, отсутствующих в его непосредственных источниках, не только важно, но и возможно при определенной методике ВУ. Прежде всего необходимо исходить из зафиксированных в ДР данных — корневых и аффиксальных морфем, особенностей слопроизводства в народной и книжной речи, сведений историко-культурного характера эпохи. Необходим анализ предполагаемого слова с учетом его этимологии, словоупотребления в диалектных и поздних (от XII в. и далее) рукописных источниках болгарского языка, его употребления в близкородственных славянских языках. При ограниченном количестве фактов исследователь обязан быть скрупулезно точным, учитывать максимум прямых и косвенных данных.

Несмотря на казалось бы ограниченное число известных по письменным источникам слов ДЯ возможно с определенной долей уверенности восстановить немалое число его утраченных лексем.

Принцип ВУ — восстановление *п р о и з в о д я щ е г о* слова (не зафиксированного в источниках ДЯ) по известному в этих прямых источниках *п р о и з в о д н о м у* слову.

Приведем несколько разнохарактерных примеров.

Прежде всего легко восстанавливаются непрефиксальные глаголы при наличии префиксальных. Так можно утверждать, что в ДЯ был гл. *сыпати*, так как в источниках имеются префиксальные *въсыпати*, *исыпати*, *осыпати*, *насыпати*, *подъсыпати*, *просыпати*, *расыпати*. Аналогично был в ДЯ гл. *грѣшити*, так как в источниках широко употребляются слова ЛСГ -*грѣхъ*: *грѣхъ*, *грѣшнѣ*, *грѣшникъ*, *прѣгрѣшити* и др. (всего 16 слов). Оба глагола (*сыпати*, *грѣшити*) — общеславянские. К тому же следует учитывать, что вообще в языке более употребительны глаголы конкретизированного действия, чем его обобщенного наименования. Поэтому гл. *съгрѣшити*, например, употребляется в ДР 80 раз, а *грѣшити* остался незафиксированным. Число подобных глаголов несовершенного вида восстанавливается довольно легко.

Вместе с тем далеко не каждое производное слово свидетельствует о своем „производном“ без анализа. Так, нет, видимо, оснований восстанавливать прил. *роднѣ* от *родъ*, хотя в языке ДР есть сложение *благороднѣ* (калька греч. *εὐγενής*), префиксальное *жроднѣ*. Об этом косвенно свидетельствуют и данные истории болгарского и других славянских языков. В ДР есть и слова *пагоуба* и *пагоубнѣ*, но вряд ли были *гоуба* и *гоубнѣ*, о чем также свидетельствуют данные славянских языков в их сопоставлении.

По притяжательному прилагательному *игълинѣ* восстанавливается сущ. *игъла*. Ср.: *игълинѣ* оуши (9 раз в Зогр, Мар, Ас и Сав). *Игъла* нет в СЯС (I, 704), но 11 разъ зафиксировано в Сл.Ав. (III, 446).

По гапаску *изащъникъскъ* в выражении *старѣшина изащъникъскъ* восстанавливаем сущ. со значением лица с суф. *-скъ* от данного прилагательного *-изащъникъ*. В Супр читаем: *εὐαγ'ιανиско ко писанье глаголетъ. мала кывѣша зак'хѣа по възрастоу. а и навкѣла величество волд. старѣшинны изащъникъска* 545, 29—30. Греческий протограф данного жития (св. Анина), как и латинский, не известен. Приведенный контекст — изложение евангельского стиха: *и се мжжъ именовъ нарицаемъ зак'хѣа. и съ къ старѣ мѣтаренѣ. и тѣ къ когат!...* Л 19,2 и 3 Зогр Мар Ас. Таким образом, *старѣшина изащъникъскъ* в Супр соответствует евангельскому выражению *старѣ мѣтарѣ*, соответствующее греч. *ἀρχιτελώνης*. Оно означает — ‘старший (главный) сборщик мыта (податей)’. В древнеболгарских выражениях *старѣшина жъръчкѣ* (греч. соотв. *ἀρχιερεύς*), *старѣшина вѣшкѣ* (греч. соотв. *ἀρχιμαγός*), *старѣшина молитвѣникомъ* (*ἀρχιερός*) и ряде других слово *старѣшина* соответствует греч. *ἀρχι-*. Следовательно, *изащъникъ* соответствует греч. *τελώνης* и означает ‘мытарь’. Возникает вопрос: не является ли данное слово в Супр гапаском-окказионализмом? Слово *мѣтарѣ* было в ДЯ широко известно; в ДР оно употребляется 78 раз, известен его синоним *мѣтоимѣ*, который один раз встречается в Служ и дважды в Евх; дважды в Зогр встречается в том же значении *мѣздоимѣ*. В ДР нет слов *изаща* и *изащнѣ*; *изащъникъ* могло быть производным от одного из них; более регулярное образование — от

изащнѣ, а изащнѣ от изаща (так Микл., 254). Изащнникъ и изащнѣ семантически вполне согласуются с исходным глаголом изащн, который в ДР употребляется достаточно часто (45 раз в 7 ДР) в значениях 'вынуть, убрать'; 'изъять, отнять, взять' (ср. изащнникъ!); 'освободить'. Важно отметить, что сущ. изащнникъ засвидетельствовано только в Словаре П. Беринды и Микл. с указанием на этот словарь как на единственный источник). Беринда толкует изащнникъ как „надъ всѣхъ сильнѣишии: рыцерь, и переднѣишии до иныхъ справъ“ (стр. 47), Миклошич — „отменный, отличный человек“. В отличие от изащнникъ прил. изащнѣи было широко известно в славянских языках, самый ранний пример от XII в. (Сл. Ав., IV, 137), но в уже производном значении 'отборный, незаурядный, наилучший' (и позднее — 'изящный'). Например в Летописи Манассии: *изащнѣиша величествомъ* S—42 (с. 110); *Комнинъ изащнѣи въ брани* S — 126' (с. 219); *...его рать погыбе, въ ингынухъ же и добромравенъ и изащнѣи бѣ:* S — 125' (с. 218); в производном глаголе: *ажжъ величествомъ тѣла и силою изащнѣствоуж...* S — 113 (с. 202); *(градъ Ява създанъ бѣс(т)ъ красен и пркнзащнѣи* S — 59 (с. 133); у Григория Цамблака: *дрогубъ изащнѣи* 6,3 (с. 94).

Если изащнникъ не является окказионализмом, то, возможно, это слово связано с каким-то культурным центром того времени, где употреблялись локальные слова. В Житии Анина отмечены подобные слова: *окѣторити* (569,13 и 22,570,2), *попытати* (4,563,24), прил. *ажжъ* (565,15), *ятѣхульница* (565,21 и 566,4), которые, как и изащнникъ, в других древних славянских текстах не отмечены. Следует в данном случае иметь в виду, что оригинал (ни греческий, ни латинский) Жития Анина не известен.

Восстанавливаемое нами др. -болг. слово изащнникъ 'сборщик податей, тот, кто изымает подати' — производное от изначального значения (также восстанавливаемого нами) относительного прилагательного изащнѣ 'вынимаемый, изымаемый' (ср. изащн), позднее получившего вторичное значение (уже как качественное прилагательное) 'избранный, исключительный, незаурядный', а затем и 'изящный'. История этого прилагательного в славянских языках — пример семантической универсалии — развития семантики слова от общего значения к частному. Ср. др.-чешск. *vubraný*, совр.чешск. *vzácný*. Ср. лат. *ēlegans* от *ē-liġo* (и соответствующее фр. *élégant*).

В том же Житии Анина употребляются гапаксы: *иночьскъ* (*оста оу него тѣгда иночьское житие възлюбивъ* Супр 560,22—23) и *иночьство* (*оугедно же си рознысливѣ о житии еѣаго. и о иночьствѣ. молитвѣхъ к нему сътвори. прилатоу бѣти отъ него* (Супр 547,19)). Эти слова в других ДР не отмечены. В Син употребляется гапакс *инокъ* в значении 'тот, кто живет один, одинокий' (о звере вне стаи): *взока і вепрѣ отъ ажга. и инокъ дивка поклѣ естѣ* Пс 79,14 Син⁵. Возможно в Житии Анина *иночьскъ* означает 'монашеский', вероятнее всего о монахе — 'отшельнический, отшельника'. В надписи X в. сказано *а[зѣ] мѣмчилъ ино[къ] [п]исахъ ...*(кириллическая надпись, Крепча) (ДР. -

болг. надписи с. 53; ср. также манаси ѿгъкъ []с, X в., с. Цар Асен, с. 25), в надписи также X в. находим и [к]алоугеръ (там же, с. 95); отсутствующее в ДР; ср. калоугеръ, калоугерство, калоугерица в СЯС, II, 8). Ср.: *Понеже три чины суть иночества*: 1-е, *обще по всему житие*; 2-е, *отшельство* ... 3-е, *особное каждого житие въ монастыри, нужи ради* (Посл. мт. Фотия) РИБ VI, 394, XVI в. (список с 1418 г.). Сл. РЯ XI—XVII вв., PIV, 67. Видимо восстанавливаемое значение в ДР слова *инокъ* — ‘монах=отшельник’, ‘монах-пустынный’. Ср. у Бончева: „*Инокъ* — монах, калугер, инок, отшелник“ (с. 147). В Словаре 1627 г. Памвы Берынды: „*Инокъ* ... монах,... чернецъ...единокъ, або уединеный... Пустыникъ розуметиса может“ (с.48). Ср.: *инокъ наречеться, понеже єдинъ всьждоуетъ къ боу днь и ноцъ* Никон. Панд.сл.36 (Срезн., I, 1103). Греч. *μοναχός* ‘отшельник, монах, инок’ — синкретично (Дворецкий, 1107).

Видимо, в том же значении, как и восстанавливаемое нами *инокъ* ‘отшельник (обычно о монахе)’, было известно в ДЯ и сущ. *єдинакъ*, восстанавливаемое по 4 контекстам в Евх: *мол(итва) над(ъ) хоташиниъ приати* образъ. *єдиначнѣти* 80б 20—21; похоже 99а 20—21; *црѣство крѣчениемъ твоимъ*. *єдиначное се*. *є аплское образное овѣтование*. *недвижимо* Евх 93б 14-15; *ш ськнѣчати ємоу*. *ськнѣслъ єдиначнаго образа*. *вє порока и вєсьблазна* 98а 22. Греческие *μοναχός*, *ᾠνοχρητῆς* передавались в ДР словами *чрънць* (в календаре Ас, ?; Евх, 6; Супр, 8 раз) и *чръноризць* (Супр, 8), а также *чръноризцькъ*; *гапакс мъгнихъ* (Евх, 1) не имеет греческого соответствия.

Восстановленное сущ. *єдинакъ* позволяет выделить в ДЯ суффикс слов мужского рода со значением лица -акъ (ср. совр. болг. *юнак*, *простак* и многие подобные, где суф. -ак имеет уже оттенок пренебрежительности). Ср. суф. прилагательных -акъ в Изб. 1073 г.: *о сьггѣкшажштинхъ ... єдинакы* грѣхы 57г 28—29.

Мы ограничились несколькими отдельными примерами восстановления утраченного слова ДЯ.

Достаточно полное восстановление фрагментов лексической системы ДЯ возможно в результате тщательного изучения словарного состава имеющих текстов по морфемным ЛСГ с последующим привлечением косвенных данных. Эти ЛСГ связаны между собой особенностями семантики, сочетаемости, словообразования как микросистемы единой лексической системы (точнее — структуры) ДЯ. Изучение каждого такого слова в конкретных ЛСГ (в которые оно входит по корню и аффиксу) позволяет определить лексические потенции словообразовательной и семантической структуры каждой группы, место в ней восстанавливаемого слова ДЯ⁶).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробные количественные данные о лексике древнеболгарских рукописей см.: Р. М. Цейтлин. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. София, 1986, стр.34-61; сведения об употребительности каждого древнеболгарского слова в кн.: Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.) под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1994.

² Popkonstantinov, K., Kronsteiner, O. Старобългарски надписи. Altbulgarische Inschriften. Wien, 1994 („Die slawischen Sprachen, Bd.36, 1994); О. П. Трубочев. Славянские названия домашних животных. М., 1960.

³ Tarnanidis, I. C. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988 (Тарнанидис датирует рукопись в целом XII в.). Старобългарски текстове. Христоматия за университетите. Съставители: Т.Славова, Ив.Добрев. София, 1995, стр.14—15; 66—68 (принимам датировку этих текстов X в., предложенную составителями).

⁴ Львов, А. С. Из лексикологических наблюдений. 13. *ка̀тъ̀хъодьница*. — „Этимология. 1975“. М., 1977, с.77080.

⁵ Ср. *одинак* в русских говорах (‘живущий одиноко’), *одинец* (‘живущий одиноко’; ‘отбившийся от стада кабан’, ‘самец рыси’ и др.). Словарь русских народных говоров. Вып.23, Л., 1987, с. 2 и 28; то же в украинском; польск. *odupiec* ‘кабан’, ‘вепрь’ (Фасмер, III, 122, примечание Фасмера: «не калька из греч. *μονιός* ‘живущий в одиночку (о диких зверях)»).

⁶ Цейтлин, Р. М. О лексических микросистемах (по материалам древнеславянских рукописей X/XI — XIV/XV вв.). — „Slavia“, 1994, гоџн, 63, сеџ. 2.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Ac — Ассеманиево евангелие
- БЕР — Георгиев Вл., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. и др. Български етимологичен речник. София, т. 1, 1971; т. 2, 1979; т. 3, 1986.
- Беринда — Лексикон словенороський Памвы Беринды. Киев, 1961.
- Бончев — Бончев Ат. Църковнославянска граматика. Речник на църковно-славянски език. София, 1952.
- ВУ — восстановление утраченного.
- Гиб. — Gebauer J. Slovník staročeský. Praha, 1970. D. I—II.
- Дворецкий — Дворецкий, И. Х. Древнегреческо=русский словарь. Т. т. I, II. М., 1958.
- ДР — древнеболгарские рукописи (древнеболгарская рукопись)
- ДЯ — древнеболгарский язык
- Евх — Синайский евхологий
- Зогр — Зографское евангелие
- ЛСГ — лексико-семантическая группа
- Мар — Мариинское евангелие
- Микл — Miklosich Fr. Lexicon palaeoslovenico=graeco=latinum. Vindobonae, 1862-1865.
- Сав — Саввина книга
- Син — Синайская псалтырь
- Служ — Синайский служебник (см.Евх)
- Сл. РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—20, М., 1975—1995.
- Сл.Ав. — Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.). М., Т. I, 1988; т. II, 1989; т. III, 1990; т. IV, 1991.
- Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., т. 1, 1893; т. 2, 1900; т. 3. 1912.
- Супр — Супрасльская рукопись
- СЯС — Slovník jazyka staroslověnského. Praha, T.I, 1968; t.II, 1973.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., т. 1, 1964; т. 2, 1967; т. 3, 1971, т. 4, 1974.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып.1—21, 1974—1994.